

УДК 305:947.083

Т.В. Кисельникова

ЭТИКА В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Современность с ее неolibеральной глобализацией на фоне продолжающейся технологической революции выводит на первый план необходимость не только возвращения политике ее морального измерения, но и выработки механизма рационального обоснования этических норм универсального характера. В связи с этим анализируются точки зрения известных социальных теоретиков: В.М. Чернова, Карла-Отто Апеля и В.Б. Пастухова.

Ключевые слова: этика, модернизация, социальные отношения, неонародничество, неомарксизм.

Политика и мораль – в разное время предметом дискуссий выступают разные аспекты этой темы. В наши дни все большее внимание ученых привлекает вопрос: возможна ли «научная этика»? В условиях возрождающегося интереса к марксизму со стороны мыслителей различных идейных предпочтений [1–10] целесообразно будет, по нашему мнению, рассмотреть ее в соотнесении с марксистской традицией. Среди работ подобного плана, причем написанных в разное время, наше внимание привлекли тексты В.М. Чернова, К.-О. Апеля, В.Б. Пастухова.

Немецкий философ Карл-Отто Апель ставит следующие вопросы: «Возможно ли «рациональное обоснование этики в век науки»? и в рамках какой философской традиции возможно решение этой проблемы»? На первый вопрос он отвечает утвердительно, на второй – что это возможно лишь в рамках недогматического марксизма. Ограниченные размерами статьи, мы вынуждены отсылать заинтересовавшихся аргументацией К.-О. Апеля к тексту немецкого автора (1972 г.) и ограничиться кратким изложением его выводов. К.-О. Апель убежден, что логика, а с ней одновременно все науки и технологии, предполагают этику в качестве условия собственной возможности, потому что «логическая значимость аргументов не может быть доказана, если в принципе не предполагается сообщество мыслителей, способных к intersубъективному взаимопониманию и формированию консенсуса. Даже фактически одинокий мыслитель в состоянии объяснить и доказать свою аргументацию лишь постольку, поскольку он может в критическом разговоре «души с самой собой» (Платон) интериоризировать диалог потенциального аргументационного сообщества» [11. С. 301].

В таком случае становится ясным, что в диалоге «аргументирующих» не только «производятся ценностно нейтральные высказывания о положени-

ях дел, но еще эти высказывания, по меньшей мере имплицитно, сочетаются с коммуникативными действиями, с действиями, которые выдвигают моральные требования ко всем членам коммуникативного сообщества». Основной же принцип коммуникативной этики, по Апелю, звучит так: «Стремиться к соглашению с целью формирования солидарной воли». И именно эта «основная норма обеспечивает моральную обязанность отдельным соглашениям, то есть субъективные решения индивидов теперь априори опосредованы требованиями intersубъективной значимости» [11. С. 287, 302–303, 331]. Однако, уточняет К.-О. Апель, «соль нашего априори заключается в том, что оно характеризует принцип некоей диалектики (по сию сторону) идеализма и материализма. Ведь кто аргументирует, тот всегда предлагает уже две вещи: во-первых, реальное коммуникативное сообщество, членом которого сделался он сам в процессе социализации, а во-вторых, идеальное коммуникативное сообщество, которое принципиально должно быть в состоянии адекватно понимать смысл его аргументов и окончательно выносить суждения об их истинности...». Разрешения этого диалектического противоречия можно ждать, полагает К.-О. Апель, только от «исторической реализации идеального коммуникативного общества в реальном» [11. С. 328–331].

И вот здесь, в этом пункте, указывает К.-О. Апель, его методологический подход «...в состоянии наделить стратегию неортодоксального, не догматически детерминистского, а гуманистически эмансипированного, в какой-то степени гипотетически – экспериментального марксизма, а точнее говоря, неомарксизма, некоей этически обоснованной функцией. Ибо ясно, что в задаче реализации идеального коммуникативного сообщества, с точки зрения теории коммуникации, сформулировано еще и упразднение классового общества, имплицитно устранение всяческой социально обусловленной

асимметрии межличностного диалога» [11. С. 331–332].

Суждения К.-О. Апеля, с которыми мы в принципе согласны, перекликаются и дополняют идеи выдающегося социального философа современности Юргена Хабермаса о делиберативной демократии как форме демократии, возможной «в рамках политически интегрированного общества, охватывающего большие территории, а тем более – в пределах всемирной коммуникационной сети». «Солидарная общественная жизнь», утверждает Ю. Хабермас, возможна только при формировании (в том числе институционально) процессов публичной коммуникации, потому что лишь они могут привести «к обоснованной презумпции разумности и эффективности» [12. С. 168; 13. С. 322–324]. К.-О. Апель конкретизирует механизмы выработки этических решений, предложенных Ю. Хабермасом в рамках его теории коммуникации.

В.М. Чернов – теоретик неонароднического течения в России начала XX в. – предложил в свое время не менее интересный и, на наш взгляд, достаточно аргументированный способ рационального создания этических норм. Речь идет о его концепции «научной этики», анализ которой позволяет утверждать, что и В.М. Чернов, и К.-О. Апель исходили из положения, что марксизм «предполагает некую эксплицитно еще не разработанную этику, которую следовало бы эксплицитировать в интересах недогматического самопонимания» [11. С. 293].

Основой «научной этики В.М. Чернов считал социальный идеал (не абсолютный, а исторический), поэтому подробно рассматривал его (идеала) социальные функции и сам механизм его формулирования. Среди важнейших функций социального идеала В.М. Чернов называл следующие: идеал является ориентиром для общественного движения и критерием оценки общественных преобразований; он – основа научной этики; он наполняет смыслом жизнь человека, стимулируя его на полное раскрытие лучших свойств своей личности; социальные действия таким образом ориентированных личностей и групп придают прогрессивный характер общественному развитию.

Процесс же получения научного общественно-го идеала, по мнению В.М. Чернова, представляет собой ряд следующих последовательных этапов: 1. Началом процесса должно стать изучение «психологии чувствований и психологии потребностей». Это даст исходный пункт для формирования идеала – «теорию нормального, здорового, гармонического удовлетворения потребностей...» [13. С. 138, 139]. 2. Далее следует изучение «соци-

альных форм, учреждений, установлений (экономических, правовых, политических)» в их отношении к такому (нормальному) развитию личности. Результатом должно стать «выведение такой комбинации данных форм и учреждений (или только их отдельных сторон и элементов, которая способствовала бы гармоничному развитию личности». 3. Заключительная ступень – это изучение «существующих форм жизни и поведения отдельных лиц и их групп в их отношении к социальному идеалу» [13. С. 139].

В результате, полагал В.М. Чернов, полученные представления об идеале будут представлять собой «высшее обобщение всех активных тенденций и потребностей человеческого духа, а конкретное содержание исторического идеала будет определяться научным знанием связи между субъективными потребностями человека и объективными (т.е. имеющимися) средствами их удовлетворения» [13. С. 139]. В.М. Чернов специально подчеркивал, что речь идет о научной процедуре выявления основных черт и формулирования содержания исторического научного социального идеала, который только в силу своей «научности» может стать основой «научной» (в смысле рационально обоснованной) этики. Поэтому он считал, что разработка проблем научных социальных идеалов – дело наук, и прежде всего – социологии и психологии. [15. С. 121; 16. С. 74–84]. Идентичную позицию занимает и Карл-Отто Апель, подчеркивая, что «стратегия освобождения в век науки также должна будет пользоваться научным инструментарием... При этом в первую очередь, по-прежнему придется думать об историко-герменевтических науках о взаимопонимании... Правда, – добавляет он, – традиционных гуманистических наук о духе в качестве научного инструментария стратегии освобождения недостаточно... Эта задача («рефлексивное самопонимание человека, способствующее освобождающему прорыву сквозь преграды») выпадает на долю критически-освободительным наукам – психоанализу и критике идеологии...» [11. С. 333–334].

Любопытный момент здесь – выбор наук с «критически-освободительным» потенциалом: в начале XX в. – социология и психология; 60 лет спустя – психоанализ и «критика идеологии». Очевидно, что речь в обоих случаях идет об одних и тех же дисциплинах. Точнее, К.-О. Апель указывает на субдисциплины в рамках тех же психологии и социологии по вполне понятным причинам: конкретизируются задачи «стратегии освобождения» и выбирается соответственный «научный инструментарий».

Статья В.Б. Пастухова примечательна стремлением возродить интерес к российской общественной мысли начала XX в., в частности, к «легальному марксизму» и «новой» религиозной философии. Он считает, что их синтез может стать современным содержанием «русской идеи». В истории России, по Пастухову, было две национальные идеи – «православие и коммунизм» («русский марксизм») и главная их отличительная черта – то, что они «были ответом не только на собственную боль, но и на те вызовы, с которыми сталкивалось человечество... Русская национальная идея, – подчеркивает он, – всегда была теснейшим образом связана с сущностью русской культуры и всегда лежала на пересечении главных тенденций развития российской и мировой цивилизации» [17. С. 99–102]. По его мнению, в XX в. и даже дольше – «...до последнего момента именно он («русский марксизм» – «причудливая смесь передовых европейских теорий своего времени с русским атеизмом, который, в свою очередь, был антитезой русского православия») формировал национальное сознание» [17. С. 98].

Поэтому, полагает В.Б. Пастухов, новая национальная идея (без которой Россия не сможет преодолеть системный кризис и найти свое место в мире) «...может родиться только из его преодоления, из философского отрицания» [17. С. 102]. В.Б. Пастухов предлагает и наиболее приемлемый, с его точки зрения, вариант дальнейшего развития идей «русского марксизма» в «русский неомарксизм» – синтез аутентичного марксизма, в котором акцент должен быть сделан не на философском материализме, как ранее, а на диалектике, с «русской религиозной философией» – «первой робкой попыткой русской духовной реформации», на рубеже XIX–XX вв. проигравшей исторический спор с «русской революционно-демократической мыслью», но имеющей, как представляется автору, все шансы на успех сегодня [17. С. 103–104].

Заинтересовавшихся его аргументацией современности интереса к религиозной философии мы отсылаем к статье В.Б. Пастухова, а внимание обратим на итоговый вывод этого автора. «В основание социальной теории русского неомарксизма, – настаивает он, – может быть положена культура. Культура должна занять то место, которое ранее в теории русского марксизма было отведено обществу. Это – исходная точка формирования новой картины социального мира, построенной на взаимодействии и вероятности. Такое изменение философской парадигмы соответствует как логике внутреннего развития русской мысли, так и тенденциям развития мировой социальной науки» [17. С. 107].

Сразу скажем, что, по нашему мнению, «русский неомарксизм» с его православной основой вряд ли может стать равноценной заменой «русскому марксизму», поскольку православие – лишь одно из течений в христианстве, а христианство – лишь одна из мировых религий. То есть «русский неомарксизм» в варианте В.Б. Пастухова теряет универсальность со всеми вытекающими отсюда последствиями, ослабляющими его эффективность. Но мы согласны с В.Б. Пастуховым в том, что действительно наступает время, когда системообразующая роль культуры в социальных отношениях возрастает и социальные теории современности должны учитывать это обстоятельство. С точки зрения интересующей нас проблемы разработки В.Б. Пастухова представляют интерес, потому что основой самой культуры является нравственность и, следовательно, в его статье речь идет о возрастании роли этики в качестве социального регулятора.

Сходство взглядов трех социальных теоретиков XX в. на регулятивную функцию этики в общественных отношениях, конечно же, является не случайным, а отражает тенденцию, усиливающуюся объективно. Между тем в социальной концепции, разрабатываемой одним из ведущих критических марксистов в России А.В. Бузгалиным (как и в Западной Европе – А. Негри и М. Хардтом), этика в таком плане не рассматривается, хотя ее влияние на социальное поведение человека и социальных групп признается [2, 3].

На наш же взгляд, разрешение одной из важнейших проблем – проблемы определения субъекта прогрессивных социальных преобразований – возможно при условии, когда этика ставится в ряд ведущих объективных факторов, под влиянием которых осуществляется социальное развитие. Не требует особых доказательств факт, что роль субъекта таких преобразований могут сыграть индивиды с развитым чувством собственного достоинства, поскольку именно оно позволяет остро ощущать социальную несправедливость. Данное утверждение не вступает в противоречие с тезисом об объективном характере процесса складывания субъекта социального творчества. Проблема нам видится в другом – неясен механизм пробуждения нравственного чувства в широких массах.

Думается, здесь (если учитывать опыт развития социальных движений), нельзя не признавать правоту теоретиков народнического и неонароднического толка относительно просветительной функции не просто интеллигенции, а «внеклассовой интеллигенции» (особой социальной группы внутри интеллигенции вообще), что именно она

способна определять магистральные тенденции развития общества, способна помочь социальным группам, чьим делом должны стать соответствующие социальные преобразования, осознать свои интересы и преобразовательный потенциал, содействовать воспитанию как можно большего числа «критически мыслящих личностей», могущих стать «ускорителями» социального прогресса. Полагаем, что пришло время включить в научный оборот все ценное из творческого наследия В.М. Чернова, Н.Э. Шишко, Н.В. Пешехонова, Р.В. Иванова-Разумника, в частности, их суждения о проблемах, связанных с функциями социальных идеалов, местом и ролью интеллигенции в социальном развитии. Причем работа эта должна проводиться в рамках междисциплинарного синтеза (в особенности плодотворным может быть сотрудничество с социологами и социальными психологами, но обязательно на поле истории) и методологического плюрализма. Здесь уже имеется определенный научный задел: все больше исследователей обращаются к идеям В.М. Чернова (О. Коновалова, Н. Куренкова, В. Белоус) и важно не сузить цели этого обращения и не потерять связи с современностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией». Либеральная апология // Вопросы экономики. 2004. № 5, 6.
2. *Бузгалин А.В., Калганов А.И.* Нужен ли нам либеральный марксизм? (о статье Е. Гайдара и В. Мау «Марксизм: между научной теорией и «светской религией»») // Вопросы экономики. 2004. № 7.
3. *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.
4. *Марксизм в пространстве культуры: материалы дискуссии* // Свободная мысль. XXI. 2004. № 12.
5. *Каллиникос А.* Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005.
6. *Самир А.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007.
7. *Негри А.* Маркс и Манифест коммунистов, 1848–2008 // Свободная мысль. XXI. 2008. № 5.
8. *Кулаев М.А.* Маркс как критик Вестфальского миропорядка // Свободная мысль. XXI. 2009. № 10.
9. *Науменко Л.К.* Идеология и общество. Доказательства и опровержения // Альтернативы. 2010. № 2.
10. *Краус Т.* Трансформации в постсоветском пространстве: к проблеме исторической интерпретации уроков смены общественного строя // Альтернативы. 2011. № 1.
11. *Апель К.-О.* Априори коммуникативного сообщества и основания этики. К проблеме рационального обоснования этики в век науки // Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
12. *Хабермас Ю.* Догоняющая революция и потребность в пересмотре левых идей. Что такое социализм сегодня // Политические работы. М.: Праксис, 2005.
13. *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии // Политические работы. М.: Праксис, 2005.
14. *Чернов В.М.* Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 12.
15. *Чернов В.М.* Сентиментальная этика и научная этика // Заветы. 1913. № 6.
16. *Чернов В.М.* Этика и политика (очерки) // Заветы. 1912. № 2.
17. *Пастухов В.Б.* Русский неомарксизм // Общественные науки и современность. 2004. № 4.